

Эрчин
Сафарли

Эльчин
Сафарли

ТУТ МОЙ ДОМ

нету иного пути, как через руку твою —
как же иначе найти милую землю мою?

Издательство АСТ
Москва

Моему городу

Жизнь для меня не тающая свеча. Это что-то вроде чудесного факела, который попал мне в руки на мгновение, и я хочу заставить его пылать как можно ярче, прежде чем передать грядущим поколениям.

Бернард Шоу

Так было в детстве: закрою глаза, посплю, а когда проснусь – все пройдет, больше не будет болеть, не будет страшно. Чаще всего так и случилось, а если и нет, то страшное забывалось, растворялось в круговороте повседневных впечатлений – по пути на пляж или пока доставали холодный арбуз из дачного колодца.

Сейчас, когда мне уже не девять, а тридцать девять, хочется, как раньше, закрыть глаза, заснуть и, проснувшись, выздороветь. Распахнуть окно и увидеть не шумный город, а дачный сад с расползающимся по горячей земле виноградом

ЭЛЬЧИН САФАРЛИ

(дедушка не подвязывал лозы) и высоким, до неба, инжирным деревом. Но нынче понимаю: исцеление — реже про чудо, чаще про труд, сердечный, ежедневный, порой невыносимый и одновременно возвышающий.

Удивительно, что эти душевные старания я не променял бы ни на какую безболезненную альтернативу. И еще удивительнее, что все чаще, плутая по переулкам зрелости, вдруг выхожу к морю, тому самому, из детства. Там, на берегу, — нарезанный отцом арбуз, молодая мама с короткой стрижкой и наша собака несетя мне навстречу (обниму ее крепко-крепко, и она, поскуливая, будет извиваться в объятиях). Там мои мечты, сбывшиеся и оставшиеся в сердце. Там то, что облегчает боль. Пусть и на время.

1

Я думаю о море

Утром мы с бабушкой поехали навестить тетю Наиду, отвезти ей гранатов из дачного сада. Я гордо нес сумку с алыми плодами, пахнущими морсящим дождем и чем-то вяжуще-сладким; верил, что они спасут тетю от болезни, правда, не знал от какой, — взрослые отмалчивались.

«Тетя Наида их не попробует, ей тяжело дышать. Может, подержит в руках гранаты, вспомнит, как мы в детстве помогали отцу складывать урожай в ящики, и ей полегчает. А знаешь, что твой прадед пел гранатовым деревьям, когда поливал их вечерами?»

ЭЛЬЧИН САФАРЛИ

Тетя Наида с нежностью рассматривала гостинцы, едва заметно улыбаясь. Бабушка сидела рядом и, повязывая голову платком, рассказывала старшей сестре о самом обычном. О том, что гранаты в этом году густо-красного цвета, как рубины, но кислющие – виноваты ранние дожди. «Так что, сестра, есть их не обязательно, только изжогу вызовешь. Зато погляди, какой цвет».

Наида, сжимая слабыми пальцами спелый гранат, задумчиво смотрела в окно. Мне, девяти-летнему мальчишке, хотелось, чтобы мысли ее были не о гранатах (кстати, бабушка соврала – урожай был сладкий-пресладкий), а о море. Когда я болел, думал о море, помогало.

На дачу мы возвращались на пустой дневной электричке. Я прилег на деревянное сиденье, положив голову бабушке на колени. Она смотре-

ла на линию потемневшего по осени апшеронского песка и тихо плакала. Я делал вид, что не замечаю; почувствовал, что так нужно.

Приближаясь к станции, электричка загудела. Я торопливо поцеловал бабушкину руку, как бы говоря: я люблю тебя, бабуля, и не буду смотреть, как ты плачешь, не стесняйся.

От станции «Инжирной» до нашей дачи идти недолго, три квартала. За нами увязался пес Гоша, которого мы подкармливали. «Ах ты, обжора, ведь утром смел миску потрошков! Ладно, не скули, пойдем с нами». По пути бабушка заговорила о дачном дымоходе, который пора почистить; о куриных потрошках, которые надо купить у мясника Сахиба; жаловалась на маму, решившую поступать в автошколу. «Она же такая эмоциональная, витает в облаках, но хочет сесть за руль. Куда смотрит твой отец?»